

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Александр Филиппов*

Актуальность философии Гоббса¹

Статья первая

Аннотация. Философия Гоббса продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Важными вопросами, которые обсуждаются до сих пор, остаются следующие: 1. Следует ли рассматривать политическую философию Гоббса в связи с его физикой и метафизикой, или она является совершенно автономной областью рассуждений? 2. Можно ли понять философию Гоббса имманентно, как систему взаимосвязанных положений, или она должна быть расшифрована, исходя из исторического контекста публикаций его сочинений? 3. Является ли «война всех против всех» сугубо интеллектуальной конструкцией или этому понятию можно поставить в соответствие исторические или универсальные факты устройства социальной жизни?

Ключевые слова. Гоббс, война, государство, естественный закон, Штраус, Скиннер, Зарка.

I

Значение философии Гоббса для становления современной политической мысли огромно, и, пожалуй, в наши дни едва ли кто усомнится в том, что Гоббс — один из великих философов Нового времени. Это было осознано далеко не сразу. «Гоббс создал англоязычную философию, — пишет его биограф Ричард Такк, подготовивший новейшее издание "Левиафана". — [Но] именно Гоббса, более всех великих философов, отвергали последующие поколения» [29, р. vii]. Так еще раз останавливается на этом, говоря об интерпретаторах Гоббса: «Очевидно, что Гоббс, как и любой философ его ранга, играет определенную роль в конструкциях всех последующих философий. Никто из следовавших за ним авторов не может полностью его игнорировать, и даже если кто-то (как это, утверждают, делал Локк) поступает по видимости именно так, их молчание весьма выразительно. Тем не менее значение Гоббса для позднейших философов было не постоянным, и его труды не всегда читали с одним и тем же тщанием и внимательностью на протяжении трехсот лет, истекших с его смерти до нашего времени» [29, р. 92]. Очень показательны замечания Лео Штрауса, сделанные в разных изданиях его знаменитой книги о Гоббсе. Во введении к первому изданию (1935 г.) он утверждает: «Что Гоббс составил эпоху в истории естественного права и общего государственного права, признается почти всеми. Но вот что вклад его куда более значителен, что он поистине универсален, — это не только не признается, но даже и не оспаривается, потому что об этом даже не задумываются» [26, S. 13]. В США книга Штрауса вышла в свет в начале 50-х годов прошлого века, а в 1964 г. (!) он цитирует свое предисловие к американском изданию, где Гоббс назван родоначальником современной политической науки, и добавляет, что *теперь*, правда, отдает первенство не Гоббсу, но Макиавелли, однако по-прежнему предпочитает свое «легко исправимое заблуждение, точнее, его характеристические предпосылки, общераспространенным воззрениям, которым <...> чувствовал себя обязанным противодействовать и которые исправить куда труднее» [26, S. 9]. Несмотря на то, что тогда уже появилось много серьезных работ о Гоббсе, ощущение, что ему еще не в достаточной мере отдают должное, видимо, сохранялось. Штраус, впрочем, не заметил нескольких важных работ о Гоббсе, появившихся к этому времени, и его оценку нельзя считать вполне объективной.

Спорные вопросы интерпретации взглядов Гоббса породили множество дискуссий. За последние 100—150 лет² единого понимания Гоббса не утвердилось, но сформировалась устойчивая

* Филиппов Александр Фридрихович — доктор социологических наук, руководитель Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ

¹ Впервые опубликовано в журнале «Полития». 2009, №2. Перепечатано с любезного разрешения редакции журнала.

Эта статья является третьей в ряду моих публикаций, посвященных интерпретации «Левиафана» Т. Гоббса. См. также: [5; 4] Я выражаю глубокую признательность Эдуарду Надточию (Университет Лозанны, Швейцария), не только существенно расширившему мое понимание современных подходов к философии Гоббса, но и обсуждавшему со мной мою работу на всех этапах ее создания. Его помощь и поддержка в библиографической части работы позволили мне лучше сориентироваться в современных исследованиях.

тенденция к очередному новому переосмыслению его учения. Сейчас эта тенденция только усиливается. Историко-философская работа не исчерпывает, конечно, возможностей актуализации сочинений Гоббса, но, сохраняя собственное достоинство сугубо научного предприятия, она может считаться симптомом более глубоких процессов. Успехи и споры историков имеют оборотную сторону: с Гоббсом, так можно сказать, взглянув на более чем вековую историю споров о нем, в сущности, еще ничего не решено. Чтобы столь часто обращаться к нему, нужен особый мотив, и, пожалуй, потребность решать заново историко-философские вопросы свидетельствует еще и о том, что Гоббс интересен *сам по себе*, как автор, актуальный для нас потому, что нас продолжают занимать те же вопросы, что и философа, жившего несколько столетий назад. Но действительно ли это *те же самые вопросы*? Насколько мы можем быть уверены в том, что вообще понимаем Гоббса?

Наверное, одним из наиболее показательных примеров радикального переосмысления Гоббса являются в наши дни работы Квентина Скиннера [см.: 19; 23]. Скиннер утверждает, что Гоббс, воспитанный в традиции ренессансного гуманизма, выработал концепцию, прямо противоположную той, что утверждалась в этой традиции. Вместо республиканского самоуправления городов-государств он предложил концепцию суверенитета, ради утверждения которого люди отказываются от своего права на самоуправление³. Очевидно, что такая постановка вопроса имеет вполне актуальный смысл. Существо политической свободы является не только предметом постоянного обсуждения, оно оказывается в центре внимания, в особенности в те эпохи, когда, как в наши дни, происходит переустройство большого политического пространства. Историческая работа Скиннера оказывается, таким образом, вкладом в самую актуальную дискуссию. Но что означает в данном случае «историческая работа»?

Еще в ранних публикациях Скиннера его подход был сформулирован очень жестко. Те, кто считает Гоббса столь выдающимся автором, что все его идеи представляются им не имеющими себе подобных у его современников и предшественников, сильно грешат против истины, утверждал Скиннер. «Можно показать, что сложные и двусмысленные отношения между Гоббсом и другими политическими писателями его эпохи тем самым роковым образом упрощаются» [21, р. 287]. Однако дело состоит не только в том, чтобы отдать должное менее известным и полузабытым, если не вовсе забытым авторам. Вопрос поставлен более принципиально. Фокусируя внимание на фигуре Гоббса, интерпретаторы неправильно понимают его сочинения. Текст рассматривается как нечто самодостаточное, нечто внутренне вполне связное и завершенное, так что именно внимательное чтение и реконструкция взаимосвязи основных идей способны открыть нам его подлинное содержание. Эту позицию Скиннер не принимает. «Всякая интерпретация, предполагающая рационализацию собственных положений автора, должна в результате впасть в зависимость от изъятий из текста. Конструируется теория авторских намерений, которая затем позволяет выпускать [из текста] все то, что считается непоследовательностями изложения. Трудно понять, однако, каким образом приравнивание «смысла» абстрагированной [из текста] когерентности могло бы хоть когда-то считаться самоочевидным выводом, сколь бы необходимой ни представлялась сама эта процедура» [20, р. 323].

Эта позиция стала весьма влиятельной в последующие годы, и через 40 лет отстаивается Скиннером и его коллегам по Кембриджской школе истории идей столь же решительно. Представители «оксфордского подхода», утверждает Скиннер, «абстрагируют смысл от того, что сказано, не замечая того, что сделано. Чтобы понять текст, необходимо понять его как комплекс лингвистических действий и вскрыть то, что делал автор, когда писал его. Существо или сила текста (кого или как пытался убедить автор), поскольку они имеют ключевое значение для его смысла и для того, каким образом разворачиваются аргументы, можно распознать, только поместив текст в конвенциональный лингвистический контекст. Если принимать эту мысль Витгенштейна всерьез, *следует* задавать вопросы о природе и месте текста» [18, р. 3; 2]

Эти методологические соображения звучат в наши дни убедительно, а успехи Кембриджской школы широко признаны⁴. Тем не менее легко заметить, что Скиннер опровергает взгляд, едва вообще возможный для историка философии: речь идет об акцентах интерпретации, которые, будучи приведены в систему, образуют, так сказать, отдельный диалект, но отнюдь не отдельный язык

² Это зависит от того, как считать: от первых ли полных (для своего времени) изданий его трудов Моулсуортом или от начала собственно научной работы над его наследием, положенного Фердинандом Теннисом.

³ Мы не касаемся здесь собственно концепции свободы, по Скиннеру, непростой и претерпевшей с течением времени некоторые изменения. См. в русском переводе: [3]. Критику этой концепции см., напр., в [15].

⁴ «Усилия реконтекстуализировать политическую философию Гоббса привели к важным инициативам во всей интеллектуальной истории», — отмечает П.Спрингборн. См.: [25, р. 7].

описания. Контекстуальная история не *фактически*, не в смысле актуализации прежде не учитываемого контекста, но *принципиально*, в части, касающейся именно замысла, могла бы противостоять лишь такой истории философии, которая *принципиально* отвлекается от контекста и вообще не желает знать о том, что одни и те же высказывания философа могут быть поняты по-разному в наши дни и в ситуации его времени.

Есть свои резоны и у тех, кто пытался ответить на вызов Скиннера уже в начале его предприятия. Г.Уоррендер, раскритикованный Скиннером⁵, указывал на трудности реализации его подхода: «Не проясненным остается ряд общих вопросов. Приведем лишь несколько примеров: следует ли выводить смысл гоббсовской философии из того, что он писал (и что хорошо подтверждается множеством документов), или же из того, что его современники думали, что он имеет в виду, или из того, что думали об этом *некоторые привилегированные* современники? Или вот: насколько широкой должна быть привлекаемая для этих целей среда современников? Охватывается ли ею жизнь автора, или только продуктивная часть его жизни, или, например, век вперед или век назад? И снова: насколько оправданно говорить о том, что нечто имеет смысл, пока мы не специфицируем, что оно имеет смысл для кого-либо. Допустим, мы обнаружим, что смысл того, [что говорил] Гоббс, есть *x* для некоторых или даже для всех его современников. Каков тогда статус вывода, что [смысл, который] он имел в виду, должен быть, следовательно, *x* для нас»? [31, р. 934].

В современной литературе точка зрения Уоррэндера⁶, доказывавшего, что Гоббса прежде всего следует рассматривать как теоретика естественного права, в основном не поддерживается. Однако и в высшей степени благожелательные к Скиннеру авторы отмечают, что контекстуальный подход не может заменить философский анализ. «Чтение этой книги, — пишет авторитетный исследователь Бернард Герт, — показало мне, сколь различны между собой поле истории, даже интеллектуальной истории, и поле философии, особенно аналитической философии» [9]. На примере понятия свободы у Гоббса Герт демонстрирует, что суждения Скиннера могут быть опровергнуты путем систематического обращения к текстам философа.

Наиболее решительную оппозицию кембриджской школе составляет подход так называемой сорбоннской группы, которую возглавляет Ив Шарль Зарка [35]. Этот подход предполагает радикальный антиисторизм, т.е. исследование работ Гоббса как прежде всего философских сочинений со своей собственной внутренней логикой⁷. Результаты работы этой группы выглядят весьма впечатляющими⁸, а принципы, на которых она основывается, кажутся нам более взвешенными и продуктивными, чем принципы работы кембриджской группы. Речь идет не о том, чтобы оценить историко-философские достижения. В трехтомном исследовании Скиннера «Видения политики» весь первый том отдан рассуждениям о методе. Вновь возвращаясь к критике Уоррэндера и тех, кто так или иначе разделяет его точку зрения (и ни словом не упоминая Зарка), Скиннер говорит, что рассуждения Гоббса о Боге и естественном праве, подобно рассуждениям П.Бейля, нельзя принимать за чистую монету. Их считали скептиками, разрушителями религиозной ортодоксии современники, их считали своими предшественниками *философы* — французские просветители XVIII в. Гоббс одно время жил и писал в обстановке прямой угрозы его жизни, связанной с резким недовольством со стороны церковных кругов, Бейль дважды лишился университетской кафедры. Почему же ни он, ни Бейль не исключили из последующих изданий своих сочинений те места, которые вызвали наибольшее неудовольствие? Решить эти вопросы нельзя, снова и снова штудировав одни только

⁵ См. сжатое изложение и в целом позитивную оценку этой критики в статье: [33]. Более ранняя и сугубо текстологическая критика концепции Уоррэндера в части теории обязательств дана в кн.: [8, р. 155-157].

⁶ Между тем общепризнанны заслуги Уоррэндера в издании трудов Гоббса. В 1983 г. он выпустил издание важнейшего труда Гоббса «О гражданине», задавшее новые научные стандарты публикации его сочинений.

⁷ В 1996 г. состоялись «Амстердамские дебаты» между Скиннером и Зарка. Обосновывая свою позицию, французский философ пишет: «Такого рода чтение отнюдь не предполагает, что мы должны быть слепы к тому, какое место занимает политическая философия в истории данного периода, не предполагает оно и того, что мы будем игнорировать ее литературные аспекты. Речь идет лишь о том, чтобы изучать эти аспекты в терминах преобладающего статуса этой философии как рационального философского труда». Зарка далее указывает на то, что эта работа требует, конечно, исторической точности, учета исторического контекста. Но отделять исторический аспект от философского нельзя, «потому что эти тексты — не просто пережитки прошлой эпохи», в них содержатся вопросы, относящиеся к «природе, ценностям и целям политики». Таким образом, «всякая попытка переоткрыть прошлое, полностью отсекая себя от настоящего, кажется мне иллюзорной» [34, р. 8].

⁸ Помимо решающего вклада в утверждение новых стандартов издания трудов Гоббса к важным успехам группы можно отнести публикации результатов собственно исследовательской работы. См., напр.: [11].

тексты, «изучение того, что было кем-то сказано, недостаточно, чтобы понять, что имелось в виду» [22, р. 82]. Ответом на это могло бы служить высказанное еще в ходе амстердамских дебатов следующее рассуждение Зарка: «Философское мышление всегда предполагает некоторую точку зрения. Некий современный интерес к объекту, интеллектуальная ориентация, цели, которых мы хотим достигнуть, определяют характер нашего мышления. Нет «философии вообще», есть определенные философские позиции и задачи, которые мы решаем. И, конечно, тут не обойтись без интерпретации, т.е. реконструкции смысла текста, события, действия, процесса. Но интерпретации могут быть двух сортов: в одном случае важно, какое значение текст имеет для нас, во втором — тот же текст интересует нас как историческое произведение. В этом втором случае мы не так свободны, как в первом, мы связаны историческим контекстом. «Две эти позиции, — заключает Зарка, — фундаментальны и несводимы одна к другой» [34, р. 31].

Мы видим, что вопрос о соотношении между современным политико-философским интересом и характером историко-философского исследования *не решается в общем виде*. Контекстуальное исследование — не по результатам, но по замыслу, по общей идее — невозможно дезавуировать, если задача состоит в том, чтобы узнать: что на самом деле имел в виду автор? Однако никакое контекстуальное исследование не помешает (хотя и может помочь) задать совсем другой вопрос: что на самом деле значат для нас те или иные рассуждения Гоббса, даже если мы неправильно понимаем его намерения? Интенция высказывания-в-контексте не исчерпывает смысла высказывания-в-контексте, и смысл этот меняется не в зависимости от интенции (которая остается одной и той же, относясь к далекому прошлому), но в зависимости от контекста, который не остается одним и тем же во все времена и в любых странах.

Контекстуальный анализ открывает важную исследовательскую перспективу. Тексты Гоббса, как, разумеется, и прочие тексты, далеки от идеала последовательного, непротиворечивого изложения, свободного от случайных или преднамеренных отклонений, ошибок, скрытой или откровенной полемики, тактических приемов, призванных обеспечить больший успех книге или безопасность автору, и т.п. Идеальная последовательность бывает только в теоретических реконструкциях, и они могут показаться тем менее убедительными, чем больше отклонений от них мы обнаруживаем в самом тексте. Но ведь реконструкция может быть частичной, не говоря уже о том, что в ней может быть лишь частично учтен момент авторского замысла. Идеи автора могут быть представлены в логической последовательности, но это отнюдь не обязательно должна быть сквозная последовательность! Его труды представляют собой не столько единый текст, сколько совокупность или связь единых текстов. Объединены ли эти тексты между собой настолько плотно, что «возвращение все время к тому же самому» принесет, наконец, желанный результат и мы поймем, «что на самом деле говорил Гоббс», или же в них можно найти столько разрывов и непоследовательностей, столько переключений с современниками, что правильный ответ даст одна лишь контекстуальная история, представляется в этом случае вопросом второстепенным.

II

В подходах к изучению Гоббса можно выделить две радикальные позиции, которые не всегда артикулируются и не всегда представлены в чистом виде, но имеют далеко идущие теоретические следствия. Одна из них заключается в том, чтобы исследовать его политические сочинения в связи с прочими, исходя из того, что корпус работ мыслителя — это более или менее последовательный, но все-таки *единый* текст. Другая позиция сводится к тому, чтобы представить политическую и моральную философию Гоббса как особый мир, в котором аргументы натуральной философии не имеют силы. Вопрос, какая позиция предпочтительнее, далеко не прост. Конечно, Гоббс был универсальным умом, и притязания его распространялись на все важнейшие в то время отрасли знания. Но вот насколько тесно связаны между собой были его исследования? Сделаем краткое историческое отступление.

Известно, что философская трилогия Гоббса «Начала философии» публиковалась в следующем порядке: сначала появилась третья часть «О гражданине», затем первая часть «О теле» и только много позже вторая часть «О человеке». Это обстоятельство давало основания утверждать, что, подобно тому, как Гоббсу для *создания* практической философии не нужна была философия теоретическая, не требуется последняя и для *интерпретации* его этических и политико-философских сочинений. Однако история создания «Левиафана» показывает, что все было сложнее. В то время когда Гоббс, выпустив в свет трактат «О гражданине» (1642 г.), сосредоточился на работе над трактатом «О теле», его отвлекли, пригласив ко двору принца Уэльского во Францию (будущего короля Карла II) преподавать *математику* наследнику престола. Затем он продолжил работу над «О

теле», несмотря на тяжелую болезнь и прочие заботы посвятив ей несколько лет. Только в 1649 г. Гоббс оставил «О теле» и принялся за написание «Левиафана»⁹, первая часть которого содержит важнейшие теоретико-философские главы. Практически сразу же по выходе в свет «Левиафана» у Гоббса портятся отношения с королевским двором в эмиграции; он перебирается в Лондон и снова принимается за работу над трактатом «О теле» [17, р. X-XI]. Иначе говоря, самое знаменитое политико-философское сочинение Гоббса появляется в разгар создания его основного труда по теоретической философии!

К занятиям физикой и математикой Гоббс подходил очень серьезно, хотя успехи его в этих областях в сегодняшней перспективе кажутся сравнительно небольшими¹⁰. Известна его полемика со знаменитым английским математиком Уоллисом о квадратуре круга. Общеизвестно, что Гоббс в этом вопросе был не на высоте не только современного понимания сути дела, но и математики своего времени, а его грубые нападки на Уоллиса в конце концов привели к тому, что философ так и не был избран членом Лондонского Королевского общества¹¹. Однако значение его математических и естественно-научных идей, каким оно представляется в наши дни, — совсем не то же самое, каким оно представлялось самому Гоббсу и многим его современникам. Н. Малькольм, подробно исследовавший историю «Гоббс и Королевское общество», пишет: «Если мы посмотрим, как относились к Гоббсу в конце 1640-х годов, самым поразительным будет то, что многие считали его главным образом ученым-естественником (scientist) и что репутация его была чрезвычайно высока, хотя основывалась она на весьма немногих опубликованных сочинениях...» [14, р. 323]¹². Это не только подтверждает высказанный ранее тезис, но позволяет даже отчасти усилить его: не только теоретическая философия, но и научные исследования Гоббса исторически переплетены, по меньшей мере, с написанием «Левиафана» и должны приниматься в расчет¹³.

В противоположность такому взгляду еще в середине 30-х годов прошлого века Лео Штраус обосновал совершенно иной подход. Политическую философию Гоббса он предложил рассматривать вне связи со всем остальным комплексом его идей и понятий. «Попытки разработать политическую науку как часть или придаток науки естественной, в соответствии с методами естественной науки, постоянно ставятся под сомнение в трудах Гоббса, поскольку он сознает, что две дисциплины принципиально различны между собой. На этом и основывается его убеждение в том, что политическая наука по существу своему независима от естественной» [26, S. 19]¹⁴. В подтверждение

⁹ Мотивы этого решения не ясны до сих пор, пишут К. Шуман и Г. А. Дж. Роджерс, подготовившие новейшее критическое издание «Левиафана». Непонятно, почему Гоббс не только прекратил работу над «О теле», но и впоследствии не упоминал о том, что занимался ею в годы, предшествовавшие написанию «Левиафана». См.: [16, р. 10]. Знаменитый французский исследователь Гоббса Ф. Трико выдвинул гипотезу о том, что английскому «Левиафану» предшествовал не сохранившийся латинский текст, «прото-«Левиафан», написанный гораздо раньше. Эта гипотеза не стала общепринятым мнением, но даже если она верна, написание двух трактатов, «О теле» и «Левиафан», приходится практически на одно время. См.: [28, р. XXVI-XXIX].

¹⁰ См., впрочем, более взвешенную и далеко не уничижительного тона статью Х. Гранта [10].

¹¹ Скиннер доказывает, что мотивы этого исключения сводились преимущественно к тому, что Королевское общество было клубом, не желавшим принять в свои ряды человека, наносившего обиды одному из самых уважаемых членов клуба. См.: [23].

¹² Малькольм в целом присоединяется к Скиннеру, однако считает, что дело было сложнее, чем просто вопрос о членстве в клубе. В «Левиафане» и позже Гоббс резко атаковал университеты, и это было тем более опасно, что критика исходила от уважаемого ученого. Это вызвало ответную реакцию профессуры.

¹³ В последнее время особое внимание стали обращать также на неопубликованный текст 1643 г., посвященный критике трактата Томаса Уайта «О мире». В частности, Зарка придает ему большое значение для понимания философии Гоббса. Зарка вообще считает, что вся традиция интерпретации Гоббса «до сих пор» (первое издание его книги «Метафизическое решение Гоббса» вышло в 1987 г.) связана с недооценкой его «первой философии» и философии природы. (См.: [35, р. 11 sqq]). Зарка, как нам кажется, преувеличивает. Достаточно вспомнить о классической биографии философа, написанной Фердинандом Теннисом еще в конце XIX в. [27], или книгу Фритьофа Брандта о механицистской концепции природы у Гоббса [7]. Недаром Штраус, радикально разведший политическую философию Гоббса и прочие части его учения, считал себя новатором, опровергающим установившийся взгляд. Зарка также не совсем справедлив к современным ему историкам философии, утверждая, что они в лучшем случае пытаются доказать когерентность его концепции, но фактически никак не соотносят природное с социальным. Для них «основоположение политического есть основоположение юридическое, не выводимое из физики законов сообщения движения» [35, р. 224].

¹⁴ Штраус далее говорит о том, что политическая наука является, по Гоббсу, эмпирической, что она основывается на важнейшем опыте, какой каждый имеет, опыте знания самого себя, а потому и очевидность ее иного рода, чем очевидность естественной науки. См.: [26, S. 20]. Однако в любом случае следовало бы постоянно держать в уме знаменитое высказывание Гоббса, которое содержится в Посвящении к его позднейшему труду, второй части философской трилогии «Начала философии», «О человеке»: «Человек ведь

этого тоже нетрудно сослаться на историю. Первое значительное сочинение Гоббса, посвященное моральной философии, хотя и не опубликованное при жизни автора, «Elements of Law», относится к 1640 г., двумя годами позже появляется «О гражданине», затем — «Левиафан», и только много позже публикуются работы по теоретической философии. Ту же самую историю, о которой речь шла выше, можно рассказать и по-другому: практическая философия Гоббса создается, безусловно, до того как его теоретическая философия принимает заверченный вид¹⁵, а репутация ученого основывается на очень немногих его публикациях.

Однако дело ведь, собственно, не в истории, а в логике аргумента! Недаром, отнюдь не солидаризуясь со Штраусом в вопросах собственно интерпретации Гоббса, Уоррендер также пошел по пути изоляции политико-правовых аргументов Гоббса от прочего содержания его теории¹⁶. Среди современных авторов эту точку зрения отстаивает, например, Т.Сорелл. Он обосновывает ее тем, что, по Гоббсу, «хотя истины философии государства могут зависеть от истин, объясняемых физикой и геометрией, *знание* истин философии государства не зависит от знания физики и геометрии и может быть, в самом деле, обретено на основе некоторого самопознания, или [нашего] знакомства с человеческими страстями в нас самих» [24, р. 56]. Развивая свой аргумент, Сорелл утверждает, что любая наука для Гоббса была наукой о телах. Но нельзя считать, что основные свойства физических тел суть те же самые, что свойства тел политических, и что метод исследования в обоих случаях один и тот же [24, р. 57 f].

Как и в полемике «контекстуалистов» с «логиками», в наши дни предпочтительнее выглядит точка зрения, согласно которой для понимания политической философии Гоббса — а не просто более корректного историко-философского отображения его взглядов — необходимо привлекать весь корпус его сочинений и идей. Однако и в этом случае мы можем говорить о том, что *одного* ключа к политической философии Гоббса нет, его натурфилософские труды, его рассуждения о космологии, природе движения и человеке — это лишь *один из* ключей. Вопрос не только в расстановке акцентов, дьявол кроется в деталях, куда более важных, чем простое противостояние тех, кто видит у Гоббса мораль и политику *sui generis*, и тех, кто усматривает важную связь морали и политики с натурфилософией, космологией и метафизикой.

III

Проблемы интерпретации Гоббса не должны увести нас от самого Гоббса. Мы видим, что поле интерпретаций весьма широко, но мы готовы повторить то, с чего начали эту статью: споры вокруг интерпретации могут быть симптомом актуальности проблем, отнюдь не сводящихся к историко-философским.

Установим прежде всего то очевидное обстоятельство, что именно политическая философия Гоббса продолжает привлекать к нему внимание. Так было, так есть, так будет. Если бы Гоббс не создал концепцию общественного договора, не написал про естественное состояние войны всех против всех, не обосновал исключительные права суверена и не назвал получившуюся конструкцию «Левиафаном», имя его стояло бы в ряду второстепенных персонажей, чьи идеи представляют интерес лишь для узкого круга специалистов. Все контексты и вся философия природы вкупе с

является не только физическим телом: он представляет собой также часть государства, иными словами, часть *политического тела*. И по этой причине его следует рассматривать равным образом как человека и как гражданина. А это означает, что мне нужно было соединить основные принципы естественных наук и физики с принципами политики, следовательно, вещи наиболее трудные с вещами самыми легкими» [1, с. 220].

¹⁵ Ни ранняя работа о «первых принципах», которую, возможно, неосновательно приписали Гоббсу, ни появившийся в 1640 г. «Краткий трактат по оптике» принципиально ничего не меняют в этой оценке.

¹⁶ Замысел своего знаменитого сочинения о теории обязательств у Гоббса Уоррендер характеризует как «попытку вскрыть логическую структуру его аргумента в одном из ключевых аспектов... Хотя это — только часть доктрины Гоббса, это — важная ее часть, имеющая далеко идущие последствия» [32, р. 3]. В предисловии к предпринятому им изданию латинского текста трактата «О гражданине» Уоррендер отмечает, что Гоббс смог выстроить свою моральную и политическую философию именно потому, что был вынужден отказаться от последовательной реализации своего «великого плана», в котором на первом месте стояла философия природы. В противном случае «он, возможно, обнаружил бы, что пропасть между его материалистическими предпосылками и тем типом политической теории, который он предлагает, непреодолима, а это могло бы привести его к отказу от написания последнего раздела [его философской трилогии]. Но Гоббс столько же хотел изменить мир, как и понять его, и создал политическую философию «основанную на ее собственных принципах, достаточно хорошо известных из опыта» [30, р. 3. Fn 2].

метафизикой Гоббса важны для нас только потому, что актуальной остается его политическая философия.

Но что актуального в этой политической философии? Почему она важна? Никто в наши дни не станет всерьез полагать, будто некогда был или мог быть заключен общественный договор, которому предшествовало естественное состояние, каким его описывает Гоббс. Повествование об общественном договоре — это не гипотеза, не спорное утверждение. Естественного состояния такого рода никогда не было, общественный договор не был заключен, его формулы остаются изобретением самого Гоббса и находят место лишь в его трудах. Следовательно, если и не общепринятым, то, во всяком случае, наиболее распространенным пониманием этого важнейшего вклада Гоббса является такое, которое выводит эти рассуждения Гоббса за рамки любых фактографических описаний. Сформулируем еще раз: нет оснований полагать, что рассуждения Гоббса имеют исторический характер. Штраус в свое время весьма подробно показал, как менялось отношение Гоббса к истории. В начале научной деятельности он выпустил в свет перевод Фукидида. Это было не просто филологическое упражнение. Гоббс хотел поставить историю на место философии в деле постижения и обоснования норм правильного поведения. Но по мере вызревания его собственной «политической науки» происходил отказ от истории, переоценка ее значения в сторону все большего пренебрежения. «Чем более четко умудрялся Гоббс различать между тем, что есть, и тем, что должно быть, чем более ясным становился для него идеальный характер “Левиафана”, тем менее важной становилась для него история» [26, S. 116].

Итак, «Левиафан» — это идеальная конструкция; общественный договор и все, что с ним связано, — результат идеализации, научной процедуры, позволяющей, например, геометрам изучать чистые формы, а не фактические площади и объемы реальных тел. Однако полное уподобление метода Гоббса математическим методам его времени было бы неправильно. Исторический аргумент, подчеркивает тот же Штраус, не полностью исчез из его построений. Ведь у Гоббса мы находим не просто идеализацию как описание некоторого *состояния* или *вещи*. Гоббс говорит о некоторой идеальной *истории* возникновения государства, и этот рассказ неотделим от его теории. В самом деле, повествование об общественном договоре в одном из ключевых пунктов дает любопытный сбой. «Может быть, кто-то подумает, что никогда не было ни такого времени, ни такого состояния войны, как это [состояние войны всех против всех]; и я полагаю, что оно никогда не бывало распространено во всем мире, но есть много мест, где и до сих пор так живут. У дикарей во многих местах *Америки* нет вообще никакого правления, не считая правления маленьких семей, в которых согласие зависит от природного вождения, и таким-то вот скотским образом они живут до сих пор. Но как бы там ни было, легко понять, какова была бы жизнь при отсутствии общей власти, которой можно было бы бояться...» [12, p. 89-90].

Если бы мы рискнули судить о намерениях, то сказали бы, что этот аргумент Гоббса носит *демонстративно легковесный* характер. Но даже если вопрос об интенциях автора вынести за скобки, аргумент не может не производить странного впечатления. *Он логически неконсистентен*. Если Гоббс считает, что войны всех против всех никогда не было как повсеместного догосударственного состояния, тогда не было и повсеместного общественного договора как формулы перехода от этого состояния к государственному! Дикари, которых он упоминает, не воюют все против всех. А в тех местах, которые для него важны в первую очередь, можно было бы приискать некие свидетельства, хотя бы намекающие на безгосударственное прошлое. Но Гоббс не делает этого. Следующий абзац он начинает со слов: «Но хотя никогда не было такого времени, когда бы отдельные люди были в состоянии войны между собой...» [12, p. 90]. Это уже недвусмысленное свидетельство: в прошлом искать нечего, кроме войн, которые ведут между собой суверены, собственно, и находящиеся в «естественном состоянии»¹⁷.

Как же тогда понимать рассуждение о естественном состоянии? Гоббс пишет: «Итак, ясно, что то время, пока люди живут без общей власти, которая может держать их в страхе, они находятся в состоянии, которое называется войной, причем такой, какая есть война каждого человека против каждого человека. Ведь война состоит не в одной только битве или акте борьбы, но есть весь тот период, покуда достаточно внятна воля к сражению в битве, так что понятие *времени* надо включить в рассмотрение войны, подобно рассмотрению погоды» [12, p. 88]. Понятие времени (time) означает

¹⁷ Поэтому не прав Штраус — не тогда, когда доказывает, что для Гоббса теряют смысл образцовый порядок человеческого мира, равно как и порядок надчеловеческого космоса, а потому приобретает значение человеческая воля, человеческое деяние, но тогда, когда выводит отсюда значение *реальной истории*. Раз человека, по Гоббсу, может убедить лишь то, что он делает сам, то история его убеждает не типичная, не та, что должна служить образцом и примером, а реально бывшая история несовершенных порядков [26, S. 125].

здесь, собственно, некий отрезок, промежуток, период времени (*tract of time*). В течение этого периода явно замечается воля к битве. Но что было до этого времени? Отступая в абсолютное начало времен, к Адаму, Гоббс не говорит, что тот жил в естественном состоянии, вообще состояния войны и мира, судя по всему, чередуются. Всякому известному нам состоянию мира *однажды* предшествовала война и общественный договор. Это, конечно, достаточно очевидный и не очень интересный результат. Но если довести это рассуждение до конца, то и обратное окажется справедливым: всякой войне *однажды* предшествовало мирное состояние правления суверена. Поэтому заключение общественного договора, которое Гоббс описывает как некоторое *абсолютное событие*, предстает в несколько ином свете.

Вспомним, что государства, по Гоббсу, образуются не одним, но двумя способами: путем установления (*institution*) и путем завоевания (*conquest*). Правда, договор, причем договор добровольный, заключается в обоих случаях, так что именно благодаря такому договору граждане завоеванных государств получают права и обязанности во всей полноте, как и те подданные, которые с самого начала жили в государстве-завоевателе. Но как же могло образоваться каждое из государств, о которых здесь идет речь, государство-завоеватель и завоеванное государство? Очевидно, что это могло также произойти лишь одним из двух способов, т.е. либо путем договора, либо в силу завоевания. Однако Гоббс не желает уходить в прошлое настолько далеко. Подобно тому как состояние войны он берет в качестве естественного, не заботясь о том, не предшествовало ли ему состояние мира, он не исследует природу тех государств, которые были завоеваны (не говоря уже о завоевателях). В Обзоре, которым завершается «Левиафан», Гоббс объясняет это совершенно недвусмысленным образом. «Я уже показал в главе 29 «Левиафана», — напоминает он, — что одной из причин распада государства является недостаток абсолютной и произвольной законодательной власти, из-за чего суверен берется за меч правосудия неуверенно, словно бы он был слишком горяч для него. Но почему это происходит? Дело в том, что все они хотят оправдать войну, благодаря которой была впервые обретена их власть и от которой (как они думают) — а не от владения — зависит их право <...> Поэтому одной из самых действенных причин смерти любого государства я считаю то, что завоеватели не требуют не только подчинения им действий людей в будущем, но и одобрения всех их действий в прошлом, потому что вряд ли есть в мире такое государство, начало которого может быть по совести оправдано» [12, р. 486]. Гоббс ставит вопрос радикальным образом. По совести оправданным могло бы быть государство, основанное на общественном договоре «по установлению». Однако таких государств Гоббс не знает. Зато он знает государства, начало которых не может быть по совести оправдано, а таковы именно государства, основанные на завоевании. Где же здесь место общественного договора?

В известных лекциях, получивших при публикации название «Нужно защищать общество», М.Фуко обратил внимание на это обстоятельство. Фуко говорил, что исторический факт норманнского завоевания остро переживался еще и во времена Гоббса и он старался переключить господствующий дискурс с противостояния завоевателей и завоеванных на единство государства, в котором все равно, было ли прежде завоевание или нет¹⁸. Рассуждение Фуко можно усилить. Внимательное чтение показывает, что Гоббс не оставляет никаких шансов исторической трактовке общественного договора как перехода от дообщественного состояния к общественному, от войны *свокорыстных независимых* индивидов к подчинению суверену. Между тем рассуждение Гоббса о том, что представляет собой основание государства, предполагает, что это переход от естественного состояния войны к миру¹⁹. Но как можно вести речь о переходе, если этот переход — не исторически состоявшийся?

Чтобы лучше рассмотреть эту проблему, подойдем к ней с другой стороны. Гоббс называет три основные причины войны: соперничество людей, их взаимное недоверие и жажду славы [12, р. 88]. Однако по поводу каждой из причин можно высказать сомнения. Если представить себе изолированных индивидов, не вступающих в договоры, то соперничество между ними отнюдь не покажется чем-то неизбежным. Для соперничества нужно, чтобы у людей уже были собственность и репутация, т.е. то, что приобретается только в обществе, по уверению самого Гоббса. Конечно, если

¹⁸ «Невидимым противником Левиафана было завоевание <...> Имея с начала и до конца вид дискурса, провозглашающего войну повсюду, дискурс Гоббса в действительности свидетельствовал об обратном. Он говорил, что одно и то же — находиться в состоянии войны или обходиться без войны, испытать поражение или не испытать его, победить или прийти к соглашению... [6, с.125]. Подробнее об этом я пишу в статье [4].

¹⁹ Зарка говорит, что Гоббс вполне отдавал себе отчет в парадоксальных характеристиках естественного состояния. Ведь «если это состояние не относится ни к определенному географическому месту, ни к определенному историческому моменту, то оно тем не менее всегда и везде допускается для объяснения того, как основывается государство» [35, р. 248].

мы говорим, вслед за Гоббсом, что в естественном состоянии человек имеет право на все, это значит, что всякое время, когда он пытается насладиться чем-либо, это что-либо могут у него отнять или попытаться отнять. Но нет нужды даже предполагать, вслед за Руссо, будто в естественном состоянии «под небом места хватит всем», чтобы построить простое рассуждение иного рода, чем у Гоббса. *Разумным* образом гораздо легче и надежнее, удаляясь от людей, добыть себе необходимое в самой природе, нежели отнимать уже добытое у другого человека. Люди примерно равны между собой, часто повторяет Гоббс, так что шансы успешно побороться за вожделенное благо — заведомо меньше, чем шансы приобрести его самостоятельно. Однако соперничество неминуемо, если люди не изолированы, точнее, если они живут вместе, не будучи связаны договорами.

В недавнем прошлом среди интерпретаторов Гоббса была очень популярна заимствованная из теории игр логическая конструкция, известная под названием «дилемма заключенного» [см., например: 8, р. 76-80 и далее]. Отношения между людьми редуцировались в ней до отношения двоих, вынужденных выбирать между моральным (позитивным, кооперативным) и аморальным (предательским, недоверчивым) поведением для максимизации прибыли и минимизации издержек. Получалось, что предательское поведение либо более надежно, чем кооперативное, либо даже единственно надежно. Если применить эту формулу к рассуждениям Гоббса, расшифровывается она так: два человека вступают в соглашение, оба они обладают разумом, т.е. способностью взвешивать средства, необходимые для самосохранения, значит, наиболее разумным для каждого будет нарушить соглашение и начать (продолжить) войну. Такое понимание дела выглядит, однако, слишком простым. Его можно усложнить, введя временное измерение: если выбор стратегии поведения повторяется несколько раз, т.е. речь идет не об однократном решении, а о цепочке решений, возможно, более выгодным будет то, что в теории игр называют «tit-for-tat», т.е. эквивалентным обменом. В этом случае лучше было бы действовать кооперативно, надеясь на то же в ответ от партнера. Но в этом случае можно было обойтись и без суверена! Только в том случае, поясняет Кинч Хекстра, если происходящее связано с небольшим риском. Если риск велик, а у Гоббса главный риск — риск погибнуть, — тогда эта стратегия не сработает [см. подробнее: 13, р. 114-115]. Но почему же столь рискованно соперничество? Бернард Герт считает, что сам термин выбран не очень удачно. В главе VI Гоббс «уже определил алчность (covetousness) как «желание богатства» <...> что, видимо, близко к тому, что он здесь подразумевает» [9, р. 162], поскольку люди, соперничающие за обладание богатствами, говорит Гоббс, недовольны успехами друг друга. Но какое может быть соперничество, когда не может быть богатств без собственности и не может быть собственности без государства? Это надо продумать очень тщательно, потому что не только в понятие войны, о чем пишет Гоббс, но и в понятие богатства, о чем Гоббс не пишет, входит понятие времени. Богатство есть у человека все то время, пока оно признано, пока оно законно. Но в естественном состоянии нет собственности, нет владения, нет различия между «моим» и «твоим» [12, р. 90]. Все это появляется лишь с появлением государства. Схоласты, по мнению Гоббса, удивительным образом солидаризуясь с теми, кому обычно оппонируют, утверждают, что «справедливость — это постоянная воля давать каждому то, что ему принадлежит (own). А следовательно, там, где нет принадлежащего (own), там нет собственности (propriety), нет несправедливости; и где не установлена принуждающая власть, т.е. нет государства, там нет собственности и все люди имеют право на все вещи» [12, р. 101].

Повторим еще раз. Война — явно сказывающаяся в течение определенного времени воля к битве. Справедливость (даже в терминах схоластов) — постоянная воля к тому, чтобы у каждого было то, что ему принадлежит. Что значит «отдавать собственность»? Не отнимать, препятствовать тому, чтобы тот, кто хотел ее присвоить, мог это сделать. Это постоянство воли в обоих случаях должно быть понято во временном измерении. Таким образом, в естественном состоянии мы сталкивались бы с парадоксальной ситуацией, а именно со стремлением отнять то, что нельзя отнять, потому что отнять можно собственность, что-то «прилежащее», а собственности в этом состоянии нет. А если мы скажем, что речь не идет о собственности, но только о том, чтобы захватить нечто, оказавшееся в руках другого человека, то на это следует ответить, что так война не начинается. Война связана с жадностью и стремлением обладать богатствами другого человека, которых по указанным причинам просто не может быть. Все упирается в проблему времени. Чтобы богатства появились, они должны некоторое время накапливаться, не быть отняты, но стать предметом вожделения и сравнения.

Рассуждение того же рода можно выстроить и применительно к славе, которая, в сущности, может быть славой лишь в государстве²⁰. Недоверие, конечно, тоже важно, однако надо специально добавить: недоверие, о котором говорит Гоббс, случается между людьми в больших по численности собраниях, потому что маленькие объединения вроде семьи возможны даже в естественном состоянии. И тем более это относится к жажде славы. Ведь слава — это слава между людьми, образовавшими некое общество, настолько гомогенное, что оно может признавать кого-то более славным, чем прочие. Иначе говоря, в каждом из трех пунктов некое общество уже предполагается существующим, хотя и в далеко недостаточном виде, в плохом, неполном, несовершенном, сказал бы Аристотель, состоянии.

Что же мы получаем? Мы начали это раздел с общественного договора и преодоления войны. Мы установили, что эти рассуждения Гоббса имеют теоретическую, а не фактографическую актуальность. Мы пришли далее к вопросу о том, что означает *генетический характер* той теоретической схемы, которую предлагает Гоббс. Что естественное состояние войны всех против всех не надо понимать исторически конкретно, что это — некоторая идеализация, было ясно давно и многим. Но эта идеализация является *идеализацией процесса*, причем процесса генетического, порождающего новое. Что же означает в этой идеализации естественное состояние? Напрашивается вывод, что оно — не более чем идеальная конструкция, некое предельное состояние социальности, асоциальность как абсолютное иное политической, общественной жизни человека, преодолеваемое идеальным договором, который тоже, таким образом, мыслится только как некая чистая теоретическая гипотеза.

Однако мы видим, что эта конструкция не работает. Не удается, собственно, сконструировать множество своекорыстных изолированных индивидов, из которого посредством чудесного договора возникает государство и суверен. Обстоит ли дело так, что Гоббс просто не сумел построить последовательное рассуждение на тех предпосылках, которые сам объявил в качестве основных? Поймем ли мы его лучше, если включим более широкий контекст? Возможно, именно это и было бы правильным решением, однако мы предлагаем другое. Попробуем изложить его вкратце.

Прежде всего установим, что Гоббс нигде не утверждает того, что приписывают ему интерпретаторы. Он не говорит об абсолютном начале истории, множестве изолированных индивидов, реальности договора и перехода. Он говорит о естественном состоянии, конечно. Естественное состояние, по Гоббсу, *действительно предшествует* состоянию общественному, политическому. Это идеализация, но идеализация куда менее радикальная и менее формальная, чем предполагают, прилагая к ней, например, «дилемму заключенного». Гоббс не описывает реальные события, он почти не обращается к реальной истории, но он имеет в виду то, что происходит в действительности. В действительности же состояния мира сменяются состояниями войны, государства гибнут и вновь образуются, государства воюют между собой и одно захватывает, завоевывает другое. Когда начинается гражданская война, когда в ходе завоевания одно государство уже погибло, а новое на его руинах еще не создано, тогда состояние бывает естественным. Оно естественное и тогда, когда мы описываем небольшие группы людей, не составившие государства в силу малочисленности или дикости. Так или иначе, в естественном состоянии люди не изолированы, чаще всего у них есть навыки социального общения, либо унаследованные из прежнего, социального состояния, либо само это прежнее состояние не совсем разрушилось, либо в ограниченных кругах общения они смогли выработать некоторые нравы и навыки общения. Политическая жизнь, социальность *чревата* естественным состоянием, из естественного состояния *можно* перейти в социальную жизнь, государство *может* возникнуть, разрушиться и возникнуть, завоевание *может* быть в какой-то период чуть ли не единственным способом образования новых государств. Все это возможно потому, что между естественным и искусственным нет радикальной цезуры, они суть изначальные стороны друг друга, и как естественная вражда просвечивает через социальность, так социальное просвечивает через все настроения естественной вражды, недоверия и тщеславия.

Сделав этот важный шаг, мы увидим, что построения Гоббса намного более консистентны, а консистентность их намного более актуальна, чем это могло казаться нам при более поверхностном чтении. Дальнейшее исследование получающихся отсюда выводов мы оставляем для следующей статьи.

²⁰ Другой точки зрения придерживается К.Хекстра. Он считает очень примечательным то, что Гоббс включил жажду славы в причины вражды. Это значит, считает он, что в естественном состоянии есть и действуют социальные силы и социальные группы, а не просто изолированные индивиды. См.: [13, р. 119].

Литература

1. *Гоббс Т.* О человеке // Гоббс Т. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
2. *Дмитриев А.* Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // НЛЮ. 2004, №66.
3. *Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб.: Европейский университет, 2006.
4. *Филиппов А.Ф.* Война и договор. Второе рассуждение о «Левифане» Томаса Гоббса // Гуманитарный контекст. 2009, №2.
5. *Филиппов А.Ф.* Невидимое животное // Синий диван. 2007, №10-11. С. 47-58.
6. *Фуко М.* Нужно защищать общество / Пер. Е.А.Самарской. СПб., 2005.
7. *Brandt F.* Thomas Hobbes' mechanical conception of nature L: Levin & Munksgaard, 1928.
8. *Gauthier D.* The Logic of Leviathan: The Moral and Political Theory of Thomas Hobbes. Oxford: Oxford University Press, 1969.
9. *Gert B.* [Review article:] Quentin Skinner. Hobbes and Republican Liberty // Notre Dame Philosophical Reviews. 2008. 07. 24. <http://ndpr.nd.edu/review.cfm?id=13687>
10. *Grant H.* Hobbes and mathematics // The Cambridge Companion to Hobbes / Ed. by T. Sorell. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 108-127.
11. *Hobbes et son vocabulaire / Ed. par Y. Ch. Zarka.* Paris: Vrin, 1992.
12. *Hobbes T.* Leviathan, Or The Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil. Revised Student Edition / Ed. by Richard Tuck. Cambridge: Cambridge University Press, 1996
13. *Hoekstra K.* Hobbes on the natural condition of mankind // Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan/ Ed. by P. Springborn. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
14. *Malcolm N.* Aspects of Hobbes. Oxford: Clarendon, 2002.
15. *Pettit Ph.* Keeping political freedom simple. On a difference with Quentin Skinner // Political Theory. Vol. 30. №3, June 2002. P. 339-356.
16. *Schuhman K., Rogers G. A. J.* Introduction // *Hobbes T.* Leviathan. Vol. 1. N. Y.: Continuum International Publishing Group, 2006.
17. *Schuhmann K.* Introduction // *Hobbes T.* De corpore. Paris: Vrin, 1999.
18. *Skinner Q. et al.* Political philosophy: The view from Cambridge // The Journal of Political Philosophy. 2002. Vol. 10. N. 1.
19. *Skinner Q.* Hobbes and Republican Liberty. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
20. *Skinner Q.* [Review Article]. Hobbes's Leviathan // Historical Journal. 1964. Vol. 7, N. 2.
21. *Skinner Q.* The ideological context of Hobbes's political thought // Historical Journal. 1966. Vol. 9. №3.
22. *Skinner Q.* Visions of Politics. Vol. 1. Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
23. *Skinner Q.* Visions of Politics. Vol. III. Hobbes and Civil Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
24. *Sorell T.* Hobbes's scheme of the sciences // The Cambridge Companion to Hobbes / Ed. by T.Sorell. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
25. *Springborn P.* General Introduction // Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan / Ed. by P. Springborn. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
26. *Strauss L.* Gesammelte Schriften. Bd. 3. Hobbes' politische Wissenschaft und zugehörige Schriften — Briefe. 2. Aufl. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 2008.
27. *Tönnies F.* Hobbes Leben und Lehre. Stuttgart: Frommann, 1896.
28. *Tricaud F.* Introduction du traducteur // *Hobbes T.* Léviathan. Paris: Dalloz, 1999. P. XXVI-XXIX.
29. *Tuck R.* Hobbes. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1989.
30. *Warrender H.* Editor's Introduction // *Hobbes T.* De Cive: The Latin Version Entitled in the First Edition Elementorum Philosophiae Sectio Tertia de Cive, and in Later Editions Elementa Philosophica de Cive. Oxford: Clarendon Press, 1983.
31. *Warrender H.* Political theory and historiography: A reply to professor Skinner of Hobbes // Historical Journal. 1979. Vol. 22. N. 4.
32. *Warrender H.* The Political Philosophy of Hobbes, His Theory of Obligation. Oxford: Clarendon Press, 1957.
33. *Wiener J. M.* Quentin Skinner's Hobbes // Political Theory. 1974. Vol. 2. N. 3. P. 251-260.
34. *Zarka Y. Ch.* Hobbes and modern political thought // *Skinner Q., Zarka Y. Ch.* Hobbes: The Amsterdam debate / Ed. and introduced by H. Blom. Hildesheim: Olms, 2001.
35. *Zarka Y. Ch.* La décision métaphysique de Hobbes. Conditions de la Politique. 2me éd. augm. Paris: Vrin, 1999.